

Татьяна Кузовкина

“Интимное и историческое одновременно”: К проблеме формирования и функционирования автобиографического нарратива

‘Intimate and Historical at the Same Time’: The Formation and Functioning of Autobiographical Narratives

Introduction to the special section *Time, History, Biography: Theoretical Aspects of the Study of Ego-Documents*.

31 мая – 2 июня 2019 года в Таллиннском университете в рамках Одиннадцатых Лотмановских дней прошла конференция “Время, история, биография: Теоретические аспекты изучения эго-документов”, организованная Лотмановским архивом. Участники конференции продолжили актуальное прочтение работ Ю.М. Лотмана, начатое на конференции 2014 года “*Biographia sub specie semioticae*”¹.

Тема биографии – одна из важнейших в научном творчестве Лотмана. В 1950-ые годы его исследовательский метод был традиционным для того времени: в творчестве литераторов второй половины

XVIII – начала XIX веков Я.П. Козельского А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина, В.Г. Анастасевича, Я.А. Галинковского, А.Ф. Мерзлякова, А.С. Кайсарова, М.А. Дмитриева-Мамонова внимание уделялось прежде всего анализу идей в контексте истории общественной мысли. Существенным вкладом в развитие жанра биографии стала книга о Пушкине (Лотман 1981). Лотман показал внутреннее единство личности Пушкина, осознанную стратегию его поведения: поэт видел в жизни черты искусства и преодолевал жизненные трудности в творчестве. Основная тема книги – формирование чувства личного достоинства, чести, неприкосновенности Дома и частной жизни – разворачивается на подробно выпи-

¹ См. обзор конференции: Кузовкина 2014.

санном историческом фоне. Его создают яркие портреты лиц пушкинского окружения и детальное знание литературного контекста.

Лотмана упрекали в том, что он сделал из Пушкина жизнестроителя (см., например, критику ближайшего коллеги и друга Б.Ф. Егорова (Егоров 1995: 15–16))². Отстаивая свою точку зрения, Юрий Михайлович противопоставил “рационалистический план, методически претворяемый в жизнь” и “сознательный волевой импульс, который может быть столь же иррационален, как и любая психологическая установка” (Лотман 1997: 346). Он подчеркнул, что стремился “[...] написать биографию не как сумму внешних факторов (что и когда случилось), а как внутреннее психологическое единство, обусловленное единством личности, в том числе ее воли, интеллекта, са-

мосознания” (Лотман 1997: 346). В размышлениях о судьбе Пушкина звучали и автобиографические ноты, что почувствовали многие читатели, близко знавшие Лотмана. Чешский славист Мирослав Дрозда писал ему:

Читая о Пушкине, я постоянно думал о тебе, о твоей творческой, мужественной работе, о неиссякаемом источнике жизнерадостного внимания ко всему живому вокруг тебя, о твоей доброте и о твоем глубоком укоренении в родной русской культуре, которое ты сумел превратить в раскрытие общечеловеческого смысла национальной творческой памяти (цит. по: Егоров *et al* 2011: 560).

Развитием биографического нарратива такого типа, но на другом материале, стала книга *Сотворение Карамзина* (Лотман 1987). Тот же Б.Ф. Егоров назвал ее “биографией души, попыткой раскрыть внутренний пафос исканий писателя” (Егоров 1987: 7).

Следует сказать также, что Лотман виртуозно владел биографическим жанром в малых формах: юбилейных статьях и

² Борис Федорович Егоров был заведующим кафедрой русской литературы в Тартуском университете (1954–1960), принял Лотмана на работу, вместе с ним организовывал в Тарту научный центр. После смерти Лотмана собирал и публиковал его письма (см. Лотман 1997), популяризировал его идеи, написал его научную биографию (см. Егоров 1999). 3 октября 2020 года Борис Федорович умер на 95-ом году жизни от коронавируса.

некрологах. Он умел одним предложением обрисовать облик человека, оценить его вклад в культуру, как, например, в некрологе А.Д. Сахарову: “[...] главное что я вижу в личности Сахарова – это не его облик ученого, тоже достаточно значительный, и даже не его [...] героическую деятельность, [...] главное – это реабилитация совести как основной принцип жизни” (Лотман 1990: 3).

Методологически важное значение для изучения биографического и автобиографического письма имело понятие семиосферы, введенное Лотманом в 1984 году и суммирующее его многолетние исследования в области теории культуры. Семиосфера первична по отношению к образующим ее элементам, она предшествует любому коммуникативному акту и является “единым механизмом (если не организмом)”, ее части входят в единое целое как “органы в организм”. Лотман называет семиосферу “семиотической личностью”, указывает на трудности ее описания. “Эмпирическая бесспорность и интуитивная очевидность этого понятия” соединена с “чрезвычайной трудностью его формального определения”. На границе семиосферы

происходит “семиотизация поступающего извне и превращение его в информацию”. Лотмановская семиосфера ведет себя как создатель текста – она занимается переработкой информации из внешнего пространства и “конструирует его себе в случае отсутствия”. Одно из условий существования семиосферы – постоянный диалог между функционирующими в ней частями. Периферийные элементы при этом имеют повышенную активность, их перемещение в центр является условием развития новых направлений (Лотман 1984: 5–14).

Эта концепция в применении к биографическому и автобиографическому письму заставляет обратить внимание на важнейшие факторы его возникновения и функционирования – диалог с внешней средой, диалог с представлениями о себе, навязанными той или иной семиотической ситуацией, смену оценок и точек зрения. Заметим, что концепция биографии как семиотического феномена была сформулирована Лотманом после создания теории семиосферы – в статье 1986 года *Литературная биография в историко-культурном контексте: К типологическому соотношению текста и личности*

автора. Культуры разных периодов вырабатывают свои представления о “людях с биографией” и “людях без биографии”. Особые законы действуют и в отношении того, кто создает биографический текст:

Чем активнее выявлена биография у того, кому посвящен текст, тем меньше шансов “иметь биографию” у создателя текста. В этом отношении не случайно, что биография автора становится осознанным культурным фактом именно в те эпохи, когда понятие творчества отождествляется с лирикой. В этот период квазибиографическая легенда переносится на полюс повествователя и так же активно заявляет свои претензии на то, чтобы подменить реальную биографию (Лотман 1986: 10).

Сам Лотман стал автором автобиографических текстов в последний период своего творчества, который начался 22 мая 1989 года. Будучи в Мюнхене в качестве стипендиата Фонда Александра фон Гумбольдта, Лотман пережил инсульт, в результате которо-

го, как сам он объяснил Б.Ф. Егорову, “[...] не пострадали интеллект и речь, но – говорят временно – пропала способность чтения и есть затруднения в письме (очень незначительные)” (Лотман 1997: 354). Изменился способ работы ученого: все свои тексты (от личных писем до научных монографий) он диктовал, редактирование тоже шло со слуха. Опора только на память приводила к тому, что переосмыслились ранее затрагиваемые темы, а одним из главных объектов исследования становился собственный опыт. С декабря 1992 года в течение четырех месяцев он диктовал и наговаривал на пленку *Немемуары* – фрагменты военных воспоминаний (см.: Лотман 1995). Автобиографические подтексты проникали и в научное творчество.

Одна из главных тем работ 1990-ых годов – противопоставление исторических процессов двух родов: “Одни совершаются по спонтанным законам и носят внеличностный характер”, другие – “совершаются через сознание людей и с помощью этого сознания” (Лотман 1992: 467). В последних многое зависит от воли человека, его выбора. Лотман очень воодушевился, когда ознакомился с идеями бель-

гийского физика Ильи Пригожина, который утверждал, что у неорганической природы моменты постепенного развития процессов перебиваются взрывными, когда система сама как бы делает выбор.

Лотман поставил вопрос о необходимости строить новую науку о человеке и истории, где будет учитываться то, что

[...] интеллект человека не только пассивно отражает внележащую реальность, но и является активным фактором исторической и космической жизни. Отсюда роль – историческая и космическая – человеческой культуры, этого коллективного интеллекта человечества (Лотман 1992: 469).

Очевидно, что такой взгляд придает новый смысл изучению автобиографических нарративов. Такие тексты вызывают особое отношение – “интимное и историческое одновременно” (Лотман 2002: 14).

В предлагаемой подборке статей речь идет не только о специфически автобиографических жанрах, но и об отражении авторского жизненного опыта в текстах иной жанро-

вой природы. Расположение статей – хронологическое, позволяющее увидеть этапы развития автобиографических жанров в их взаимосвязи с культурным контекстом, охарактеризовать некоторые особенности процесса становления и развития различных видов эго-документов (мемуаров, дневников, частной переписки) в России XVIII–XXI веков. Если в XVIII веке нужно было доказывать право на создание автобиографических текстов, то в XXI веке с появлением массовых медиа этот вопрос был снят.

Раздел начинают исследования об автобиографических текстах XVIII века. В русской культуре этого периода особенно остро стоял вопрос о праве на создание свидетельства о себе, выработывались дворянские нормы чести, поведения, государственной дисциплины и сословных привычек. Как утверждает в своей статье “*Право на биографию*” и *русская мемуаристика 1750–1770-ых годов* Александра Веселова (Санкт-Петербург), на раннем этапе развития русской мемуаристики еще не было развитой системы повествовательных жанров и, соответственно, необходимой для функционирования литературы читатель-

ской среды. До 1750-ых годов автобиографические тексты появлялись эпизодически. В статье рассматриваются записки В.В. Головина, В.А. Нащокина, Н.Ю. Трубецкого, Ф.И. Соймонова, И.И. Неплюева, Я.П. Шаховского и А.А. Прозоровского; выделяются примеры самооправдания авторов, в том числе различные этикетные формулы, репрезентация в текстах частных и исторических событий, причастность к которым могла послужить импульсом к акту самоописания и стимулировать и авторскую рефлексивность отдельных мемуаристов, и развитие этого жанра в целом. Михаил Милютин (Санкт-Петербург), который входит в коллектив авторов, готовящих первое научное издание мемуаров А.Т. Болотова, исследует процесс создания текстов известного мемуариста. Блестящая память, страсть к писанию и педантичность в фиксации событий жизни позволяют Болотову излагать материал по жесткой хронологической схеме, при этом большую роль играет прием умолчаний. Текст воспоминаний сопоставляется с документальными источниками из жизни провинциальных помещиков XVIII века: рукописями, владельческими и служебными

документами, что придает стереоскопичность взгляду исследователя.

В статье Майи Лавринович (Москва) о письмах А.Ф. Малиновского к графу Н.П. Шереметеву показано, как эпистолярный жанр, в котором фиксируется непосредственный повседневный опыт, может приближаться по своей функции к дневнику. По письмам можно реконструировать процесс выстраивания представлений о себе как об истинном дворянине и наблюдать, как реальное поведение адресанта постепенно теряет черты индивидуальности.

Отдельный большой блок посвящен историкам, их рефлексии над предметом своих исследований. Магдалена Домбровска (Варшава) рассматривает письма Н.М. Карамзина к М.Н. Муравьеву. Опираясь на пионерскую работу по теории письма польской исследовательницы Стефании Скварчинской, автор статьи следит за поэтикой карамзинских писем и рефлексией историка над своими трудами.

Виктория Иващенко (Харьков) строит свое исследование на сопоставлении автобиографических высказываний историков, преподававших в университетах Российской империи в

XIX – начале XX века, о своем религиозном воспитании и отношении к религии. В работе анализируются различные стратегии построения религиозной идентичности: полное игнорирование вопросов веры (В.И. Семевский); описание внешней обрядовости (Н.Г. Устрялов, М.А. Максимович); стремление дать представление о глубоком религиозном чувстве (И.М. Снегирев; Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев), религиозных сомнениях (К.Н. Бестужев-Рюмин), атеистических взглядах (М.П. Драгоманов), фиксация современного состояния духовенства разных конфессий и религии в целом (В.Б. Антонович).

В XIX веке контекст функционирования автобиографических текстов сильно расширяется. Автобиографический нарратив проявляется, например, в литературной критике. В статье Кирилла Зубкова (Санкт-Петербург) выявлены автобиографические мотивы в критических статьях И.А. Гончарова 1860–1870 годов о творчестве А.Н. Островского. Характеризуя деятельность Островского, Гончаров приписывает ему те свойства, которыми драматург заведомо не мог обладать, и которые являются творческим манифестом самого Гончарова. Более того, Гон-

чаров таким образом сводит счеты с критиками романа *Обрыв*. Для того, чтобы показать, как писатель трансформирует типичные мотивы и риторические приемы литературной и театральной критики, Кирилл Зубков подробно реконструирует журнальный контекст этого периода.

Блок статей посвящен автобиографическому нарративу в XX веке. Драматический опыт соприкосновения с окружающей действительностью заставляет авторов пересматривать прежние идеалы, определять собственную идентичность, преодолевая внутреннюю автоцензуру. Процесс самопознания через творение автобиографического нарратива помогает противостоять обстоятельствам. Об этом речь идет в статье Антони Бортновского (Познань), посвященной мемуарам, публицистическим текстам и запискам разных лет А.А. Гольденвейзера, юриста, деятеля русской эмиграции. Еврей по происхождению, погруженный в русскую культуру, он оказался свидетелем драматических событий в Киеве времени гражданской войны. Сложные взаимоотношения с еврейской средой, неприятие красных, белых, украинского национального движения за-

ставляли переосмысливать условность “своего” и “чужого”. Сторонник европейского пути развития России и гуманистических ценностей, Гольденвейзер был разочарован и потрясен происходящими переменами и постепенно отдалялся от киевской действительности.

Дорота Евдокимов (Познань) исследует автобиографический нарратив Марины Цветаевой первых лет после Октябрьской революции: описание и оценку революционных событий, бытового поведения, телесного опыта голода, связь эмоций и их вербального выражения. Автор статьи пытается проследить, как происходит взаимодействие затекстового опыта автора и затекстового опыта читателя. Употребление метода *affective turn* расширяет поле анализа и позволяет рассматривать недискурсивные элементы индивидуального мироощущения.

Ивана Перушко (Загреб) рассматривает путевые заметки Августа Цесарца, одного из хорватских интеллектуалов, дважды посетившего Москву после октябрьского переворота. Насколько искренним был Цесарец в своей *Сегодняшней России* (Današnja Rusija, 1937), когда восторгался советским

строем? Были ли взаимоисключающими массовые эмоции сталинских 1930-ых годов: страх и энтузиазм? Основная задача статьи – расшифровать в повествовании реальные факты эпохи.

На другом историческом материале – времени блокады Ленинграда – анализирует процессы “уяснение внутреннего состояния пишущего” Патриция Деотто (Триест). Ее статья посвящена дневниковым записям о блокаде Ольги Берггольц. Дневник поэтессы – свидетельство самых потаенных и наболевших размышлений над настоящим и недавним прошлым. Автобиографический нарратив со скрытыми аллюзиями и не до конца эксплицированными выводами свидетельствует о постоянной борьбе с автоцензурой, которая мешает признаться в крушении советских идеалов. Однако Берггольц принимает трудный путь самопознания и осмысления пережитого в поисках правды.

Ряд статей описывает различные способы реконструкции автобиографических мотивов в тексте – например, на основе архивных материалов или путем внимательного исследования нарративной структуры текста. Ольга Сазончик (Йена) погружает читателя в при-

стальное чтение романа Булгакова Окуджавы *Упраздненный театр* и узнавание в нем авторских стратегий “написания себя”. Она показывает, что основными приемами регуляции дистанции между читателем и рассказчиком является полиноминация фигуры нарратора, частое изменение его пространственной и временной характеристик, постановка вопросов о самой возможности языкового выражения жизненного опыта. Выстраивание автобиографического пласта в отдельном произведении неизбежно ведет к необходимости изучения всего корпуса текстов писателя/поэта.

Вадим Витковский (Берлин) посвятил свою статью автобиографической *Поэме без предмета* В.Ф. Перелешина (1913–1992). Сознательно подражая пушкинскому *Евгению Онегину*, Перелешин рисует жизнь русского Китая 1920–1940-ых годов, подробно описывая литературный круг Харбина. Однако исторический фон поэмы гораздо насыщеннее, чем в *Евгении Онегине*: гражданская война в Китае, установление коммунистического режима, повторная эмиграция. Соотношение автобиографического и (военно-)исторического пла-

стов в XX веке получает особо драматическое звучание.

Анна Красникова (Милан) останавливается на сопоставлении вымысла и реальности в (авто)биографиях Ильи Сельвинского (1899–1968). В изучении биографии поэта существует явный дисбаланс: подробно исследованы детство и юность, мало что известно о 1950–1960 годах. Помимо дисбаланса “хронологического” присутствует также дисбаланс “мифологический”: тексты о жизни поэта носят не исследовательский, а мемуарный и публицистический характер, используют тот образ поэта, который он сам стремился создать. Анна Красникова сравнивает (авто)биографический нарратив поэта с архивными материалами, не предназначенными для чужих глаз, пытается использовать только проверенные факты.

В статье Ларисы Найдич (Иерусалим) и Натальи Светозаровой (Санкт-Петербург) ставится вопрос о составлении научной биографии одного из крупнейших литературоведов и языковедов XX века, филолога-германиста В.М. Жирмунского. Изучая архив ученого, авторы статьи обратили внимание на огромный массив диалектологических анкет и

отчетов об экспедициях в немецкие колонии на территории СССР, в которых участвовали сам Виктор Максимович и его ученики в период с 1926 по 1930 годы. Работа была прервана, Жирмунский – арестован как немецкий шпион, его ученики подверглись репрессиям. Однако материалы экспедиций чудом уцелели, часть из них хранится в архиве Российской академии наук, еще одну часть, спрятанную Жирмунским, семья нашла несколько лет назад. Статья демонстрирует живой процесс воссоздания биографии ученого и подчеркивает значимость в этом процессе архивных источников.

На богатом архивном материале построена и статья Татьяны Шор (Тарту) о жизнеописаниях эстонского поэта, литературоведа, коллеги Ю.М. Лотмана Вальмара Адамса. В статье сравниваются анкетно-формальные автобиографические тексты Адамса и их литературные варианты, показан исторический фон создаваемых текстов, его неразрывная связь со сложным и драматическим временем. Определяющим мотивом статьи становится характеристика, данная Адамсу в одном из писем к нему Ю.М. Лотмана: “Меня очень радует, что в быстро

меняющийся век Вы умеете сохранить неизменность своей личности, все от почерка до интонаций, в Вашем письме напоминает мне Вас”.

Последней по хронологии является статья Елены Юферевой (Киев), посвященная исследованиям новых медиа и способам саморепрезентации их авторов. Объект исследования – блогерское письмо о путешествиях, а именно, творчество А. Лапшина (Puerrtto). Елена Юферева изучает игровое поведение своего персонажа, меняющего различные амплуа, особое внимание уделяя политическому контексту. В декабре 2016 года Алексей Лапшин был задержан белорусскими властями и впоследствии экстрадирован в Азербайджан. Блогер обвинялся в нарушении закона о государственной границе при посещении Нагорного Карабаха, был приговорен к трем годам тюремного заключения, но в сентябре 2017 года помилован президентом Азербайджана. Эти события сыграли значительную роль в самоопределении блогера и придали новые оттенки его самоопределению в качестве оппозиционера.

Разнообразие тем и исследовательских методов, продемонстрированное в данной

подборке, свидетельствует об актуальности изучения автобиографических нарративов в исторической перспективе и побуждает исследователей к новым поискам.

Несколько отдельно по теме стоит статья Збигнева Казмерчика (Гданьск), в которой сопоставляются россиеведческие концепции Ю.М. Лотмана и Чеслава Милоша. Оба мыслителя признавали ключевыми дуальные модели в анализах динамики российской истории. В поздних работах Лотмана дуальные и тернарные модели служили инструментом, позволяющим обнаружить различие в культурах России и Запада. Милош развивает дуальный подход к интерпретации истории России, полученный им в виленской историософской школе, при этом борьба с дуальной Россией была существенной частью его самоидентификации. Сходство идей Лотмана и Милоша тем более интересно, что методология их имеет разные корни: семиотика культуры у Лотмана и религиоведение у Милоша. Но при этом научный язык Лотмана может быть инструментом для анализа идей Милоша.

Статья Збигнева Казмерчика созвучна пленарному докладу Марии Плюхановой (Перуджа-

Рим), в котором шла речь о причинах популярности идей Лотмана в Италии. Большой интерес к монографии *Структура художественного текста* и другим лотмановским работам о тексте докладчица объяснила тем, что в Италии филология является одной из ведущих отраслей научного знания. Востребованным оказался и подход Лотмана к изучаемым объектам как к целостному явлению, особенно концепция семиосферы и связанных с ней проблем перехода границы – своего пространства и своей культуры, а также идеи передачи информации, когда в ситуации шума через конфликты и дефекты происходит обогащение смысла. Принятию лотмановских идей способствовала и эволюция научного языка ученого от сугубой терминологичности ранних структуралистических работ к эссеистическому стилю поздних, в которых он делает глобальные выводы о законах истории, роли случайности в культуре, единстве гуманитарного и естественнонаучного знания³.

³ Статья выполнена при поддержке Эстонского агентства по науке (Eesti Teadusagentuur PUT1366).

Библиография

Егоров 1987: Б. Егоров, *Биография души* // Ю. Лотман, *Сотворение Карамзина*, предисловие Б. Егорова, Москва, Книга, 1987, с. 7–10.

Егоров 1995: Б. Егоров, *Личность и творчество Ю.М. Лотмана* // Ю. Лотман, *Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990. “Евгений Онегин”*. Комментарий, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 1995.

Егоров 1999: Б. Егоров, *Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана*, Москва, Новое литературное обозрение, 1999.

Егоров *et al.* 2011: “Читая о Пушкине, я думал о тебе”: *Отзывы коллег на монографию Ю.М. Лотмана “Александр Сергеевич Пушкин” (к 30-летию выхода книги)*, публикация Б. Егорова, Т. Кузовкиной, комментарии Б. Егорова, Т. Кузовкиной, И. Пильщикова // *Пушкинские чтения в Тарту. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон. К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт*, Тарту, 2011, ч. 1, с. 554–576.

Кузовкина 2014: Т. Кузовкина, *Biographia sub specie semioticae: Обзор международной конференции в Таллинском университете* // «*Avtobiografija*», 3, 2014, с. 453–464, электронный адрес: <https://www.avtobiografija.com/index.php/avtobiografija/article/view/60>, последнее обращение 24.11.2020.

Лотман 2002: Ю. Лотман, *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века)*, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 2002.

Лотман 1981: Ю. Лотман, *Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя: Пособие для учащихся*, Ленинград, Просвещение, 1981.

Лотман 1984: Ю. Лотман, *О семиосфере* // *Структура диалога как принцип работы семиотического механизма*, Труды по знаковым системам, 17, Ученые записки Тартуского государственного университета, Тарту, 1984, вып. 641, с. 5–23.

Лотман 1986: Ю. Лотман, *Литературная биография в историко-культурном контексте: К типологическому соотношению текста и личности автора* // *Литература и публицистика: Проблемы взаимодействия*. Ученые записки Тартуского государственного университета, Тарту, 1986, вып. 683, с. 106–121.

Лотман 1987: Ю. Лотман, *Сотворение Карамзина*, предисловие Б. Егорова, Москва, Книга, 1987.

Лотман 1990: *Реабилитация совести*, [Интервью с Д. Кузовкиным] // «Alma mater», Тарту, 2, 1990.

Лотман 1992: Ю. Лотман, *Клио на распутье* // Ю. Лотман, *Избранные статьи в трех томах*, Таллин, 1992, т. 1, с. 464–471.

Лотман 1995: Ю. Лотман, *Не-мемуары*, [Запись и публикация Е. Погосян] // *Лотмановский сборник*, ред.-сост. Е. Пермяков, Москва, ИЦ-Гарант, [том] 1, 1995, с. 5–53.

Лотман 1997: Ю. Лотман, *Письма 1940–1993*, сост. Б. Егоров, Москва, Школа “Языки русской культуры”, 1997.

